

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. Гидденс, Ф. Саттон

Основные понятия в социологии¹

ГИДДЕНС Энтони — почётный профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Адрес: Великобритания, WC2A 2AE, г. Лондон, ул. Хоутон-стрит. **Email:** ax.giddens@lse.ac.uk

САТТОН Филип — независимый исследователь.

Перевод с английского Елизаветы Рождественской и Станислава Гавриленко.

Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ.

Социальная жизнь постоянно меняется, и социология не может позволить себе стоять на месте. Сегодня эта дисциплина необычайно разнообразна в теоретическом отношении, охватывает множество тем и использует обширный методологический инструментарий. Важную роль в изучении социальной жизни играют ключевые понятия и идеи, которые позволяют социологам осмысливать общества. Однако толкование этих понятий постоянно эволюционирует и меняется. Книга вводит в основные понятия, благодаря которым социология сформировалась как научная дисциплина. Не ограничиваясь краткими словарными определениями, Энтони Гидденс и Филип Саттон подробно рассматривают каждое понятие, исторические и теоретические контексты его возникновения и бытования, показывают значения и интерпретации, обращая внимание на критику и развитие в современных исследованиях и теориях. Такая структура позволяет читателю связать историю социологии с актуальным состоянием, проследив развитие ее понятий. Всего для книги авторы тщательно отобрали 70 понятий. Разделы книги сгруппированы по 10 основным темам. Внутри каждой темы понятия располагаются в алфавитном порядке. Это делает поиск понятия в каждой тематической области более быстрым и простым.

Журнал «Экономическая социология» публикует четвёртый раздел книги — «Структуры общества» («Structures of Society»), в котором авторы разбирают понятия «бюрократия», «капитализм», «консюмеризм», «образование», «организация», «разделение труда» и «религия».

Ключевые слова: социология; основные понятия; структура общества; бюрократия; капитализм; образование; религия.

Тема 4. Структуры общества

БЮРОКРАТИЯ (BUREAUCRACY)

Рабочее определение

Форма организации, основанная на писаных правилах, контрактах и иерархии позиций, широко распространённая в современных индустриальных обществах.

¹ *Источник:* Гидденс Э., Саттон Ф. 2018. *Основные понятия в социологии*. Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ. Перев. с англ.: Giddens A., Sutton P. W. 2017. *Essential Concepts in Sociology*. 2nd ed. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.

Происхождение понятия

Слово «бюрократия» вошло в оборот в 1745 г. как комбинация французского *bureau* (канцелярия или письменный стол) и греческого *κράτος* (власть). Современное понимание бюрократии как власти служащих датируется серединой XVIII века, когда слово относили исключительно к правительственным чиновникам. Постепенно понятие было распространено на различные типы организаций и почти сразу стало восприниматься негативно. Существует немало художественных произведений, критикующих бюрократическую власть; например, роман Франца Кафки «Процесс» с его кошмарным изображением обезличенного и непостижимого бюрократического аппарата. Негативный взгляд на бюрократию нашёл своё отражение и в популярной культуре, в которой бюрократы предстают как ни на что негодные и бесполезные персонажи, погрязшие в бумажную волокиту.

Социологические исследования бюрократии основывались прежде всего на идеях Макса Вебера, создавшего классический идеальный тип бюрократии. В противоположность предшествующим мнениям о бюрократии как образцовом примере неэффективности, Вебер утверждал, что современная бюрократия в конечном счёте получила настолько широкое распространение именно потому, что является самой эффективной из всех разработанных до сих пор форм организации. Однако Вебер также признавал, что бюрократические формы доминирования склонны душить творческое начало и сводить на нет инициативу, производя тем самым множество иррациональных побочных эффектов и вступая в конфликт с принципами демократии. В этом смысле его взгляды частично продолжали традицию изображения бюрократии как — в итоге — негативной социальной силы.

Значение и интерпретация

Современная жизнь сложна и нуждается в некотором типе организации. Вебер рассматривал бюрократию как доминирующую модель формальной организации, и эта характеристика продолжает оказывать влияние на социологические исследования. Несмотря на существование бюрократии в крупных традиционных цивилизациях (например, в императорском Китае), только с возникновением и распространением промышленного капитализма бюрократия становится повсеместным социальным явлением. Для Вебера расширение и распространение бюрократии было неизбежным и, более того, единственным способом справиться с вызовами модерна. Современные системы здравоохранения и социального обеспечения почти невозможно представить без письменных отчётов, архивных документов и закреплённых формальных правил. Вебер сконструировал идеальный, или «чистый», тип бюрократии, акцентируя внимание на общих чертах реальных случаев, чтобы выделить определяющие аспекты современной бюрократии.

Идеальный тип Вебера включал следующие характеристики:

- строгая иерархия господства, на вершине которой располагаются позиции наивысшего авторитета и власти. Существует также цепь команд, в которой те, кто находится выше в иерархии, контролируют и надзирают за теми, кто располагается ниже;
- поведение служащих подчинено писанным правилам, что обеспечивает предсказуемость и порядок;
- служащие получают заработную плату, имеют долгосрочные контракты и работают полный рабочий день. Человек может строить карьеру внутри организации в течение всей жизни;
- чёткое разделение между работой служащих и их личной жизнью — данные области не должны смешиваться;

- все ресурсы, включая рабочие столы, компьютеры, канцелярские принадлежности, являются собственностью организации; служащим не разрешается владеть их «средствами производства».

Возможно, этот «чистый» тип никогда не существовал, но чем ближе приближается к нему реальная организация, тем более эффективной она должна становиться в достижении своих целей.

Вебер полагал, что по мере усиления доминирования бюрократических организаций общество всё больше будет походить на «железную клетку» с запертыми внутри неё людьми. Многие считают, что бюрократические системы при вступлении с ними в личный контакт препятствуют удовлетворению индивидуальных потребностей. Но дело в том, что частные соображения и эмоциональные призывы не могут быть приняты в расчёт, так как бюрократический порядок разрабатывается таким образом, чтобы максимальная эффективность достигалась при работе с тысячами и даже миллионами случаев, поэтому сам принцип равного обращения порождает массу недовольства среди людей. Более серьёзная проблема заключается в том, что бюрократическое доминирование может препятствовать демократии. Поскольку постоянная машинерия управления приобретает реальную силу, демократические процессы и выборы могут оказаться под угрозой.

Критические замечания

Критики аргументов Вебера рассматривают его теорию бюрократии как неполную и игнорирующую неформальные отношения и динамику малых групп, которые позволяют организации «работать». Исследование Налогового управления США, результаты которого были опубликованы Питером Блау в 1963 г., показало, что процедурные правила постоянно нарушались, чтобы выполнить работу, а на нижних ступенях иерархии возникла групповая лояльность вследствие образования неформальной системы взаимной помощи и советов [Blau 1963].

Одним критикам теория бюрократии Вебера представляется недостаточной. Зигмунд Бауман утверждает, что массовые убийства евреев, совершенные немецкими национал-социалистами в годы Второй мировой войны, стали возможными только благодаря бюрократической машине современного государства [Bauman 1989]. Громадная организация, перемещавшая в условиях военного времени миллионы людей со всей Европы в концентрационные лагеря и записывавшая огромное количество персональных данных, требовала систематического и тщательного бюрократического планирования и контроля. Именно безличность бюрократии позволяла чиновникам избегать личной моральной ответственности. Для Баумана Холокост не был aberrацией нормального цивилизованного модерна, но стал последствием действия одной из главных организующих модерн сил — бюрократии.

Другие критики Вебера, наоборот, рассматривали его теорию как *слишком негативную*. Пол дю Гай приводит сильные аргументы в пользу бюрократии и традиционного бюрократического этоса, утверждая, что многие проблемы, часто приписываемые бюрократии, в действительности вызваны попытками *обойти* правила и бюрократические процедуры [Gay 2000]. Он полагает, что исследование Баумана оставляет без внимания реальные причины Холокоста, то есть расистские установки и идеологию, а также устрашение и насилие. Бюрократический этос предполагает равное отношение ко всем и использование важных защитных механизмов, которые не столько усиливают власть, сколько препятствуют политическим лидерам злоупотреблять ею.

Сохраняющаяся актуальность

Всех последствий бюрократизации Вебер не предсказал, и некоторые критические аргументы, направленные против его первоначального анализа, могут быть отклонены. Тот факт, что социологи до сих

пор вовлечены в «споры» с Вебером, показывает, что ему удалось указать на ключевой аспект современного мира. Вебер хорошо понимал, что бюрократия стала одним из важнейших двигателей непрекращающейся рационализации общества, распространяющейся на всё новые сферы социальной жизни. Можно спорить о деталях веберовского анализа, но глобальное распространение капитализма и современных видов бюрократии означает, что общая суть его доводов до сих пор актуальна и должна быть принята всерьёз.

В противоположность недавним исследованиям, предполагающим, что свободные сети могут замещать характерные для бюрократии жёсткие иерархии, Кэтрин Кейси утверждает, что бюрократия стала позволять или встраивать в жизнь работника на рабочем месте некоторые новые виды деятельности [Casey 2004]. Это явление, если оно получит распространение, может бросить вызов нашему представлению о том, что является определяющим для бюрократии. Кейси сосредоточивается на бюрократических организациях, позволяющих выражение «духовности на работе», что становится тенденцией. Многие индивиды практикуют мистические течения «Новой эры» (New Age) или другие формы «духовности на рабочем месте», а некоторые крупные компании — Ford, IBM, Apple и др. — поддерживают и даже поощряют программы «духовности на работе», распространяя соответствующую литературу и проводя семинары для руководителей. Кейси подчёркивает, что бюрократии вместо того, чтобы костенеть, адаптируются и меняются вместе с обществом.

Растёт число исследований, показывающих, что бюрократические процедуры могут в действительности оказаться выгодными для женщин внутри организаций, поскольку они гарантируют, что карьерное продвижение основывается в большей степени на способностях и квалификации, чем на личных связях и неформальных отношениях, которые долгое время были частью механизмов исключения, позволявших мужчинам сохранять свои привилегии. Лейша Дехарт-Дэвис расширяет этот аргумент, исследуя мужское и женское восприятие собственных рабочих мест в бюрократической организации [DeHart-Davis 2009]. Используя смешанный метод, она обнаружила чёткие гендерные различия. Женщины склонны подчёркивать эффективность, соответствие правилам и беспристрастность бюрократии, в то время как внимание мужчин сосредоточено на том, что они называют избыточным контролем и регулированием. Исследователь приходит к выводу, что женщины выделяют те элементы, которые позволяют им принимать участие в делах организации на равных с мужчинами и обеспечивают карьерное продвижение. Это бросает серьёзный вызов феминистским теориям, описывающим бюрократию как организационную форму мужского доминирования.

Литература

Bauman Z. 1989. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge: Polity; см. также рус. пер.: Бауман З. 2010. *Актуальность Холокоста*. М.: Европа.

Blau P. M. 1963. *The Dynamics of Bureaucracy*. Chicago: University of Chicago Press.

Casey C. 2004. Bureaucracy Re-Enchanted? Spirit, Experts and Authority in Organizations. *Organization*. 11 (1): 59–79.

DeHart-Davis L. 2009. Can Bureaucracy Benefit Organizational Women? *Administration and Society*. 41 (3): 340–363.

Gay P. du. 2000. *In Praise of Bureaucracy: Weber, Organization, Ethics*. London: Sage.

КАПИТАЛИЗМ (CAPITALISM)

Рабочее определение

Возникшая на Западе экономическая система, основанная на рыночном обмене и производстве прибыли для реинвестирования и роста бизнеса.

Происхождение понятия

Политэкономы XVIII века обсуждали рынки, обмен, цены и производство товаров. Адам Смит утверждал, что определённый социальный порядок и экономическое равновесие обеспечиваются «невидимой рукой» свободного обмена на рынке [Ingham 2008]. Однако понятие «капитализм» появилось только в середине XIX века, когда К. Маркс и Ф. Энгельс проанализировали капиталистический способ производства. По Марксу, капитализм — эксплуататорская экономическая система, основанная на производстве товаров для обмена на рынке с целью обогащения буржуазии (или класса капиталистов). В марксистской теории капитализм — это завершающая стадия социального развития общества перед наступлением коммунизма, который покончит с вопиющим неравенством предшествующих ему классовых обществ.

Альтернативная концепция была сформулирована Максом Вебером, чьё исследование происхождения капитализма в связи с кальвинистскими религиозными верованиями резко контрастировало с масштабной исторической схемой Карла Маркса. По Веберу, капитализм не был ни результатом революционных перемен, ни переходом к коммунизму в будущем. Будущее рабочего класса обеспечивается не концом капитализма, а его развитием. Вебер утверждал, что долгосрочный процесс рационализации и распространения бюрократической организации — ключевые аспекты модерна. Во всяком случае, капитализм поощрял конкуренцию и инновации, которые смягчали негативные эффекты бюрократического господства, тем самым давая свободу экспериментированию с новыми идеями.

Значение и интерпретация

Самой влиятельной теорией капитализма остаётся теория Маркса, которая рассматривает капитализм, возникающий из феодального общества, как последнюю стадию всеобщей истории человеческих обществ. Маркс отмечал поступательность исторического развития, начавшегося с примитивных коммунистических сообществ охотников и собирателей и прошедшего через стадии древнего рабовладения и феодализма, который был основан на делении на землевладельцев и крепостных. Появление купцов и ремесленников ознаменовало зарождение коммерческого, или капиталистического, класса, который постепенно вытеснил земельную аристократию. Маркс выделяет две главные составляющие капитализма: капитал, то есть любой актив, в том числе деньги, машины и даже фабрики, который может быть использован или инвестирован для создания будущих активов, и наёмный труд, то есть множество рабочих, которые не владеют средствами производства и потому вынуждены искать оплачиваемую работу. Те, кто владеет капиталом, образуют правящий класс, остальные — а их большинство — составляют рабочий класс, или пролетариат. Капиталисты и рабочие взаимозависимы, однако их отношения носят характер эксплуатации, что обостряет классовые конфликты. Маркс утверждал, что, в конце концов, другие классы исчезнут и останутся только два главных класса, чьи интересы находятся в состоянии прямого конфликта.

Однако Маркс не был просто критиком, он ясно видел невероятную производительность капитализма, освободившего человека от подчинения религиозному авторитету и вырвавшего его из «идиотизма»

деревенской жизни»². Капитализм также демонстрировал огромные возможности человека формировать своё будущее, не полагаясь на милость сил природы. Проблема состояла в том, что конкурентные капиталистические социальные отношения становятся препятствием для кооперации, необходимой, если люди должны взять контроль над собственной судьбой. Противоречие между огромными производительными силами и необходимостью конкурировать за них может разрешиться только в результате революции. Предсказанная Марксом более чем 150 лет назад революция не свершилась.

В развитии капитализма произошли существенные изменения: он прошёл долгий путь от так называемого семейного капитализма времён Маркса через управленческий капитализм, когда рост компаний вывел их из-под контроля членов семьи, к капитализму всеобщего благосостояния в XX веке, при котором крупные компании предлагают своим сотрудникам множество услуг — от ухода за детьми до оплачиваемых отпусков и страхования жизни. Апогея своего развития капитализм всеобщего благосостояния достиг к 1930 г., после чего профсоюзы стали главным ресурсом в борьбе рабочих за получение выгод от системы. Последняя стадия — институциональный капитализм. Его основой является широко распространённая практика владения корпорациями акциями других компаний. В сущности, связанные друг с другом советы директоров контролируют большую часть корпоративного мира, тем самым обращая вспять процесс управленческого контроля, так как при принятии решений в компании блокирующий пакет акций принадлежит другой корпорации. С интенсификацией процессов глобализации большинство крупных корпораций действуют в международном экономическом контексте.

Критические замечания

Споры между веберинской и марксистской позициями всегда включали моральные и нормативные суждения. Для марксистов капитализм представлял собой экономическую систему, которая порождала и воспроизводила неравенство, поэтому заслуживала того, чтобы быть выкинутой на «свалку истории». Для веберинцев капитализм может быть эксплуататорским, однако его альтернативы оказывались менее производительными и более авторитарными, препятствующими развитию демократии и свободы личности. Сегодня по вопросу общей оценки капитализма среди социологов так и нет единодушия.

Однако большинство социологов согласны с тем, что предсказание Маркса о революции и крахе капитализма оказалось, очевидно, неверным. В странах, где революции всё же свершились, как в России (1917) и Китае (1949), они происходили не по модели Маркса, так как в них были вовлечены, скорее, крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, чем промышленный пролетариат. Крах советского коммунизма в конце XX века также воспринимается как конец эпохи, а глобализация и более тесная интеграция мировой капиталистической системы препятствуют, как представляется, любому движению в сторону социализма и коммунизма. Многие марксисты до сих пор полагают, что анализ Марксом главных механизмов капитализма и его тенденций к кризисам является правильным, хотя он очевидным образом недооценил адаптивные способности капиталистической экономики.

Сохраняющаяся актуальность

В настоящее время нет серьёзных разногласий относительно господства капиталистических экономических систем в мире, несмотря на то что с момента падения коммунистических режимов в Советском Союзе, Восточной Европе и других регионах мира прошло совсем немного времени. К моменту падения Берлинской стены в 1989 г. и воссоединения Германии, распада Советского Союза и отказа от коммунизма в странах Восточной Европы существовавшие там коммунистические и социалистиче-

² Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. 1955 [1848]. Манифест Коммунистической партии. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы; 428. — *Примеч. ред.*

ские режимы были почти мертвы. Сегодняшняя оппозиция принимает форму постсоциалистических движений, таких как антиглобалистская и антикапиталистическая мобилизация последних лет или анархистские и экологические кампании.

В недавних исследованиях большое внимание уделялось различиям в национальных капиталистических экономиках. Предпринятое Джоном Кэмпбеллом и Ове Педерсенем сравнение капитализма в Дании и США является полезным введением в дебаты о его разновидностях [Campbell, Pedersen 2007]. Часто предполагалось, что капитализм «работает» более эффективно в условиях минимальной экономической регуляции, низких налогов и незначительной системы государственного социального обеспечения. Однако Дания опровергает это предположение. Датский вариант капитализма построен на относительно высоких налогах, большом государственном бюджете, высоком уровне регулирования и открытой экономике, успешно конкурирующей с другими вариантами капитализма, которые больше соответствуют модели низкой регуляции. Кэмпбелл и Педерсен утверждают, что Дания успешна, так как компании получают преимущества благодаря государственным институтам, координирующим рынок труда, обеспечивающим высокую профессиональную квалификацию работников и осуществляющим политику развития промышленности. Именно эти институты определяют конкурентоспособность Дании, показывая, что существует более одного пути достижения успеха на глобальных рынках.

Учитывая современную обеспокоенность проблемой глобального потепления, вопрос об устойчивости капитализма — один из важнейших. Анил Маркандья полагает, что он может таковым являться, но только в том случае, если меры рыночного характера будут работать строго в пользу снижения выбросов углекислого газа [Markandya 2009]. Он пишет, что проблемы окружающей среды, особенно изменение климата, требуют государственного регулирования и согласованных действий, если мы хотим снизить уровень выбросов. Однако, чтобы иметь шанс на успех, любая схема снижения должна восприниматься как справедливая. Маркандья поэтому предлагает ввести со временем глобальную квоту на выброс углекислого газа на душу населения. Если система торговли квотами на выбросы углекислого газа окажется успешной, то цена тонны углекислого газа будет равна примерно 420 дол. США. Рыночная цена углекислого газа в 2009 г. — 15 евро за тонну. Подобное радикальное несоответствие рыночной цены порождает серьезные сомнения относительно возможности капитализма и рыночно ориентированных мер воспрепятствовать глобальному потеплению.

Литература

Campbell J. L., Pedersen O. K. 2007. Institutional Competitiveness in the Global Economy: Denmark, the United States and the Varieties of Capitalism. *Regulation and Governance*. 1 (3): 230–246.

Ingham G. 2008. *Capitalism*. Cambridge: Polity.

Markandya A. 2009. Can Climate Change be Reversed under Capitalism? *Development and Change*. 40 (6): 1139–1152.

Marx K., Engels F. 2005. *The Communist Manifesto*. London: Longman; см. также рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. 1955 [1848]. Манифест Коммунистической партии. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы; 419–459.

КОНСЬЮМЕРИЗМ (CONSUMERISM)

Рабочее определение

Общий для сравнительно богатых обществ образ жизни, поощряющий постоянное приобретение потребительских товаров как полезное для экономики и для личной самореализации.

Происхождение понятия

Возможно, истоки консьюмеризма восходят к эпохе Промышленной революции начала XIX века, когда резко возросший объём производимых материальных благ и низкие цены на них позволили вовлечь в потребление значительное число социальных групп. Первыми превратились в современных потребителей высшие классы и аристократия. Эти группы сформировали обширный рынок для новых предметов роскоши. На протяжении XIX и XX веков демонстративное потребление стало практикой многих других социальных групп, а уже к середине XX века консьюмеризм — отличительная черта развитых экономик.

Одна из важнейших причин роста консьюмеризма — увеличившаяся с начала XX века доступность кредитов. К концу XX столетия жизнь с тяжким долговым бременем стала нормой, а борьба за социальный статус всё в большей степени основывалась на формах потребления. С 1960-х гг. социологи говорят о том, что капиталистические общества оказались зависимыми от консьюмеризма, поощрявшего высокие материальные стандарты жизни и желание постоянно приобретать. Эти перемены привели к возникновению так называемого общества потребления. Активисты-экологи подчёркивают, что сдвиг в сторону общества потребления оказывает пагубное воздействие на окружающую среду, ведёт к увеличению ненужных трат и неустойчивым практикам.

Значение и интерпретация

Общества промышленного капитализма основываются на системе массового производства, однако это означает также существование и массового потребления. Товары и услуги должны покупаться и потребляться, несмотря на то что сами производство и потребление могут быть сосредоточены в географически различных местах. Товары производят там, где это сделать дешевле, а продают там, где дороже, и, как правило, это разные регионы. В течение XX века главная ориентация обществ промышленного капитализма сменилась, перейдя от «парадигмы производства» к «парадигме потребления», и в социологии общим местом является характеристика сравнительно богатых обществ как обществ потребления или как капитализм потребления.

Работа становится всё менее важным элементом в процессе формирования идентичности. Потребление предоставляет человеку возможность сконструировать личную идентичность путём приобретения различных элементов, давая, по крайней мере, ощущение свободы выбора и осознание себя индивидуальностью. Центральная роль потребления и идеология консьюмеризма обеспечивают быстрый оборот товаров, базирующийся на обусловленных модой изменениях меновой стоимости предметов потребления и, как следствие, на их ускоренном обесценивании. Идентификация потребителя с товарами и брендами делает потребление важнейшей частью повседневной жизни. Кроме того, корпорации всё в большей степени стремятся производить товары для более гибких и дифференцированных требований потребителей, вместо того чтобы ставить во главу угла нужды производства и только потом заботиться о потребителях. Как правило, этот сдвиг можно проследить в отказе от унифицированных фордистских методов производства и переходе к более гибким постфордистским методам, обслуживающим нишевые рынки. Главная фигура теперь — потребитель, а не рабочий. Поскольку общества потребления делают возможным конструирование личной идентичности, это способствует децентрации основанных на производстве социальных конфликтов и вовлечению всё большего числа социальных групп в конкурентную борьбу за социальный статус через символические обмены. Сдвиг в сторону консьюмеризма и общества потребления означает поэтому существенные перемены в экономической, политической и культурной сферах.

Консьюмеризм — это также стиль мышления, ментальность или даже идеология, которая работает на производство *желания* постоянного потребления. Социологи, изучающие консьюмеризм, утверждают, что удовольствие от потребления основывается не на *использовании* купленного товара, а на *ожидании* приобретения вещей. Люди тратят время на просмотр журналов, витрин магазинов и интернет-страниц, ища товары и предвкушая их покупку. Колин Кэмпбелл полагает, что приносящей наибольшее удовольствие и вызывающей привыкание частью современного консьюмеризма являются ожидание, поиски и желание товаров, а не их использование [Campbell 2005]. Подобная «романтическая» этика потребления основана на желании, поощряемом рекламной индустрией. Это объясняет, почему люди никогда не бывают полностью удовлетворены.

Критические замечания

Несмотря на то что понятие «консьюмеризм» добавляет новое измерение нашему пониманию капитализма, неочевидно, что он является причиной капиталистической экспансии. Идея о консьюмеризме как драйвере производства придаёт вес требованиям потребителей, но некоторые исследователи находят её малообоснованной, указывая на огромные маркетинговые и брендинговые бюджеты компаний, которые тратятся на создание желаний и потребностей, превращающих людей в активных потребителей. Вопрос в том, в чьих руках сосредоточена реальная власть в рамках этой системы — производителя или потребителя. Действительно ли крупные транснациональные капиталистические корпорации находятся во власти потребительского спроса?

Ещё один тип критики сосредоточен на консьюмеризме как таковом. Он рассматривается как разрушительный для социальных отношений и окружающей среды. Консьюмеризм «работает», превращая желания в потребности и пытаясь убедить людей в том, что они могут и должны удовлетворить их. Таким образом, существует потенциально бесконечный поток мод, новых товаров и услуг для нашего потребления. Это смешение желаний и потребностей видится крайне опасным, приводящим к ложной вере в то, что счастье можно купить и потребление товаров является естественным. Вместо этого необходимо отделять собственные желания от потребностей и урезать первые, чтобы получить гарантии в удовлетворении подлинных потребностей людей по всему миру. Проблема в том, что попытки определить потребности сталкиваются с большими сложностями. Потребности культурно обусловлены, и не существует твёрдого критерия отличия подлинных потребностей от неподлинных, с которым были бы согласны все.

Сохранившаяся актуальность

Понятие «консьюмеризм» и производное от него понятие «общество потребления» были чрезвычайно продуктивны для социологов. Путём увязывания процессов производства со структурами потребления стало возможно гораздо более сбалансированное понимание капитализма. К примеру, теория «беговой дорожки производства и потребления» — подход, успешно соединивший эти два элемента. Он объединяет индустриализацию, экономику капитализма и массовый консьюмеризм для того, чтобы понять, как модерн трансформировал отношение между обществом и природной средой. Образ беговой дорожки призван показать, что система массового производства и потребления, будучи однажды запущенной, не может быть остановлена.

Консьюмеризм превратился не только в стиль жизни, но и в отличительную черту всего жизненного пути человека, в том числе и продолжительного периода старости, что стало общим явлением в современных развитых странах. Айан Джонс и его коллеги отметили это на примере пожилых людей в Британии и других странах: сейчас их доход выше, чем был у предыдущих поколений, и некоторые из них предпочитают полностью или частично выходить на пенсию в более раннем возрасте [Jones et

al. 2008]. Современное поколение пожилых людей после 1945 г. помогало создавать культуру консьюмеризма. Они и в почтенном возрасте среди первых «горожан-потребителей» остаются, скорее, активными потребителями товаров, чем «пассивными потребителями» услуг. Упомянутое эмпирическое исследование детально описывает те механизмы, с помощью которых консьюмеризм влияет на пожилых людей и одновременно испытывает влияние с их стороны.

Растущей тенденцией становится «зелёное» потребление, хотя это понятие очень широкое и с трудом поддаётся определению. В опросе, проведённом в графстве Девон (Англия), Эндрю Гилг и его коллеги изучали, что мотивирует «зелёных» потребителей пробовать и принимать более устойчивый стиль жизни [Gilg, Barr, Ford 2005]. В ходе исследования были определены четыре основные группы:

- *радикальные защитники окружающей среды*, в наибольшей степени предрасположенные к устойчивому потреблению — к покупке местных, органических или произведённых в соответствии с режимом «справедливой торговли» продуктов, компостированию отходов;
- *мейнстримовые экологи*, делающие всё то же самое, за исключением компостирования отходов;
- *защитники природы по случаю*, совершающие такие действия редко или вообще никогда;
- *люди, равнодушные к охране окружающей среды* (для них в принципе не характерны описанные действия).

Таким образом, между устойчивым потреблением и экологическими ценностями существует связь. Это предполагает, что правительства должны поощрять переход от «зелёного» потребления к более устойчивому стилю жизни.

Литература

Albridge A. 2003. *Consumption*. Cambridge: Polity.

Campbell C. 2005. *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*. Oxford: Blackwell.

Gilg A., Barr S., Ford N. 2005. Green Consumption or Sustainable Lifestyles? Identifying the Sustainable Consumer. *Futures*. 37 (6): 481–504.

Jones I. R. et al. 2008. *Ageing in a Consumer Society: From Passive to Active Consumption in Britain*. Bristol: Policy Press (esp. Ch. 5).

ОБРАЗОВАНИЕ (EDUCATION)

Рабочее определение

Социальный институт, обеспечивающий передачу знаний и навыков от поколения к поколению, как правило, через обязательное школьное обучение.

Происхождение понятия

Образование — это передача знаний, навыков и норм поведения, с помощью которых человек становится полноправным членом своего общества. Сегодня оно рассматривается преимущественно как благо: большинство людей, прошедших через систему образования, научившихся читать, писать и считать, овладевших навыками мышления, признают, что быть образованным значит иметь множество преимуществ. Однако социологи проводят различие между образованием и обучением. Образование можно определить как социальный институт, позволяющий овладеть необходимыми навыками, знаниями, расширить личные горизонты и реализующийся во многих местах. Обучение же — это формальный процесс, с помощью которого передаются определённые типы знаний и умений в соответствии с заранее разработанными учебными программами. Как правило, обучение является обязательным вплоть до определённого возраста. В развитых странах обязательное образование всё больше расширяется на обучение в колледже и даже в университете.

До конца XVIII века обучение в школах было личным делом. Только самые богатые семьи могли позволить образование для своих детей. В XIX и XX веках были внедрены государственные системы всеобщего обязательного образования в ответ на растущую потребность промышленности и сферы управления в работниках, обученных грамоте и навыкам счёта. Если функционалистские теории видят формальную функцию школы в производстве образованного и квалифицированного населения, то многие марксисты и радикальные критики утверждают, что существует так называемый скрытый учебный план, подспудно переносящий ценности и нормы, поддерживающие вопиющее неравенство в капиталистических обществах. Более поздние исследования фокусируют внимание на роли образования и обучения в культурном воспроизводстве, передаче от поколения к поколению культурных ценностей, норм и опыта, а также на всех тех механизмах и процессах, при помощи которых это достигается.

Значение и интерпретация

Эмиль Дюркгейм говорил об образовании как о ключевом факторе социализации, прививающем детям общие ценности общества, которые поддерживают социальную солидарность. Для Дюркгейма наибольшую значимость имели моральные установки и взаимная ответственность, так как именно эти принципы помогают сдерживать конкурентный индивидуализм, подрывающий, по мнению многих исследователей, солидарность.

Однако в индустриальных обществах, по мысли Дюркгейма, образование выполняет ещё одну функцию — обучение необходимым для выполнения всё более специализированных видов работы навыкам, которые нельзя получить в семье. Толкотт Парсонс развил этот функционалистский подход. Он утверждал, что одна из ключевых функций образования — прививание отношения к индивидуальным достижениям как к главной ценности, чему зачастую содействуют конкурсные экзамены и системы оценок. Экзамены имеют важное значение, так как основываются на универсальных меритократических критериях — в отличие от партикуляристских семейных стандартов, и люди занимают своё положение в силу собственных способностей и заслуг, а не класса, гендера или этничности. Однако в ходе многочисленных исследований выяснилось, что образование и обучение, скорее, воспроизводят социальное неравенство, нежели уравнивают жизненные шансы. В исследовании ситуации в Великобритании, проведённом Полом Уиллисом на примере школы в Бирмингеме, ставится вопрос, почему дети — выходцы из семей рабочего класса, как правило, получают работу, аналогичную работе своих родителей [Willis 1977]. Это актуальный для меритократической системы образования вопрос. Уиллис обнаружил антишкольные субкультуры, в которых подростки не проявляли интереса к экзаменам и будущей карьере, желая скорее покинуть школу и начать зарабатывать деньги. Он отметил близость

таких субкультур рабочей культуре «синих воротничков». Таким образом, провалы в школе непреднамеренно готовили таких детей к жизни рабочего класса.

Критические замечания

Функционалистская теория права, указывая на формальные функции систем образования, однако действительно ли существует только один набор общих для всего общества ценностей, особенно в современных мультикультурных обществах? Марксисты согласны с тем, что школы социализируют детей, но делают они это для обеспечения капиталистических компаний рабочей силой, в которой те нуждаются, а не потому, что привержены принципу равенства возможностей. Структуры школьной жизни соответствуют структурам жизни трудовой: конформизм ведёт к успеху, учителя и управленцы ставят задачи, ученики и работники их выполняют, школа и рабочий персонал организованы иерархически — всё это преподаётся как неизбежное [Bowles, Gintis 1976].

Идея скрытого учебного плана оказала серьёзное влияние на социологию образования. Иван Иллич утверждал, что школы — это охранительные организации, созданные, чтобы занимать молодых людей и отвлекать их от уличной жизни до тех пор, пока те не найдут работу [Illich 1971]. Школы способствуют некритическому принятию социального порядка и учат детей знать свою классовую позицию. Иллич предлагал «обесшколивание» общества, то есть его освобождение от школ во имя доступности образовательных ресурсов для каждого и в любое время, чтобы можно было изучать то, что каждый хочет, а не быть заложником стандартизованного учебного плана. Образовательные ресурсы могут находиться в библиотеках и банках данных (сегодня, возможно, в Сети) и быть доступными любому учащемуся. В своё время идеи Иллича казались безнадежно идеалистическими, однако при современных тенденциях к дистанционному образованию с помощью Интернета и при необходимости обучения в течение всей жизни эти идеи уже не кажутся столь фантастическими и невозможными.

Сохраняющаяся актуальность

Как мы можем оправдать положительные функции образования перед лицом такой серьёзной критики? Обучение в школе — это часть воспроизводства структурного неравенства, но в то же время оно снабжает людей некоторыми навыками и знаниями, позволяющими понять это неравенство и бросить ему вызов. Кроме того, многие учителя полностью осознают структурную роль образовательной системы, работают на то, чтобы улучшить и изменить эту систему изнутри. Теория, не предлагающая никаких перспектив и перемен, придаёт слишком большое значение власти социальных структур и явно недооценивает творческий потенциал человеческой деятельности. Образование — важная тема целого ряда дискуссий, касающихся не только современной ситуации в системе образования, но и состояния общества в целом.

В последние годы многие развитые страны стали свидетелями того, что девочки опережают мальчиков в том, что касается школьных успехов и квалификаций, даваемых колледжами. Возникли споры о том, почему мальчики отстают и как можно исправить ситуацию. Предполагалось, что девочки уже преодолели прежние препятствия на пути к успеху. Однако эмпирическое исследование, проведённое в Великобритании, показывает, что 12–13-летние девочки с высокими достижениями по-прежнему сталкиваются с проблемами идентичности, если пытаются «быть слишком умными» в условиях существующих норм приемлемой феминности [Skelton, Francis, Read 2010]. Девочки не только испытывают трудности в своих отношениях с одноклассниками, но и вынуждены бороться за внимание учителей. Реальная жизнь для всё более успешных девушек и женщин значительно сложнее, нежели это показано в сухих цифрах статистики академических достижений.

Литература

- Barlett S., Burton D. M. 2007. *Introduction to Education Studies*. London: Sage (esp. Ch. 2).
- Bowles S., Gintis H. 1976. *Schooling in Capitalist America: Educational Reform and Contradictions of Economic Life*. New York: Basic Books.
- Gatto J. T. 2002. *Dumbing us Down: The Hidden Curriculum of Compulsory Schooling*. 2nd ed. New York: New Society.
- Illich I. 1971. *Deschooling Society*. Harmondworth: Penguin.
- Skelton C., Francis B., Read B. 2010. Brains before Beauty? High Achieving Girls, School and Gender Identities. *Educational Studies*. 36 (2): 185–194.
- Willis P. 1977. *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working-Class Jobs*. London: Saxon House.
- Zamudio M. M. et al. (eds). 2011. *Critical Race Theory Matters: Education and Ideology*. New York: Routledge.

ОРГАНИЗАЦИЯ (ORGANIZATION)

Рабочее определение

Социальная группа или коллектив, обладающие внутренней структурой для удовлетворения социальных потребностей или для достижения определённых целей.

Происхождение понятия

История организаций начинается с возникновения первых групп людей, объединявшихся для обеспечения безопасности, поиска пропитания и строительства жилища. Однако само понятие «организация» в социологии имеет сравнительно недавнее происхождение. Предпринятое Максом Вебером описание бюрократии как фундаментальной характеристики капитализма и — в более общем смысле — современной жизни часто используется в качестве отправной точки организационных исследований. Вебер признает, что бюрократия — лишь один из типов организации, однако её современные рациональные формы являются самыми эффективными из всех до сих пор разработанных, поэтому всем организациям суждено, в конце концов, стать бюрократическими. Дальнейшие исследования в этой области расширяли или критиковали эту базовую интерпретацию. Со временем социология организаций перешла от теории организационной структуры и её функций к изучению неформальных связей, организационной культуры, функционирования власти и гендерных отношений, роста сетей.

Значение и интерпретация

Организации (иногда называемые формальными) варьируются по своему масштабу от малых групп людей до транснациональных корпораций и мультинациональных неправительственных объединений, хотя большая часть исследований сосредоточена на сравнительно крупных структурах — национальных правительствах, университетах, школах, больницах, религиозных и благотворительных организациях, компаниях и профсоюзах. Организации могут быть противопоставлены институтам.

Совокупность установленных норм, ценностей и образцов поведения, образующих культуру, — это и есть институты (например, брак, семья, образование). Организации же — это намеренно созданные объединения для достижения определённых целей, как правило, с помощью свода писанных правил, норм и процедур. Кроме того, обычно организации размещены в конкретных физических местах. Подобные формальные организации частично основаны на требованиях законодательства. К примеру, университеты должны удовлетворять многочисленным требованиям закона — от политики оценок до здравоохранения, безопасности и равноправия на работе. Организации такого типа продолжают оставаться самыми распространёнными в мире.

Организации играют важную роль в жизни каждого: «Мы рождаемся в организациях, получаем образование в организациях и большинство из нас проводят основную часть своей жизни, работая на организации» [Etzioni 1964: ix]. Организации также ведут огромную координационную работу, необходимую в современной жизни. Однако конфликты интересов, равно как и кооперация, занимают центральное место в современных организациях. Исход борьбы за власть между работниками и работодателями или между различными группами служащих может определять общее функционирование и даже цели организации. Признание подобных конфликтов означает отказ от функционалистской перспективы, рассматривающей организацию как бесперебойно работающие машины [Silverman 1994]. Функционализм отделил организацию от образующих её людей. Более современная перспектива социального действия рассматривает организацию как «продолжающуюся и постоянно изменяющуюся коалицию людей с различными и часто конфликтующими интересами и целями, людей, которые в достаточно чётко очерченных рамках стремятся выполнить задачи, отвечающие требованиям тех, кто у власти» [Watson 2008: 110]. Этот подход позволяет нам понять, как со временем изменяется внутренняя структура организации, и привлекает наше исследовательское внимание к меняющимся отношениям между организацией и внешними группами.

Том Бёрнс и Джордж Сталкер в исследовании компаний, производящих электронное оборудование в Шотландии, выявили два типа организации: механистический и органический [Burns, Stalker 1966]. Механистические организации являются бюрократическими, органические же характеризуются более свободной структурой, а их общие цели имеют приоритет над узко определёнными обязанностями. Позднее Уэсли Сайн и его коллеги использовали это противопоставление между механистической и органической структурами для изучения интернет-компаний, возникших в 1996–2001 гг. [Sine, Mitsuhashi, Kirsch 2006]. Можно было бы предположить, что эти недавно появившиеся формы бизнеса имеют менее формализованную структуру и, скорее всего, относятся к органическому типу организации, однако это необязательно так. На ранних этапах компании с механистической структурой действуют эффективно, поскольку специализированные роли основателей уменьшают неопределённость и двусмысленность структуры, повышая организационную эффективность в критические моменты. Противопоставление механистического и органического поэтому не может носить абсолютный характер, а эффективность каждой формы организации зависит от этапа развития компании.

Организации существуют в специально созданной физической среде, отражающей их внутреннюю структуру. К примеру, менеджеры и исполнительные директора часто в системе вертикальной классификации располагаются ближе к её верху. Местоположение кабинетов, проходов и открытых пространств также может быть связано с проявлениями власти, позволяя осуществлять постоянный надзор над действиями сотрудников, что характерно для колл-центров и офисов с открытой планировкой. Мишель Фуко утверждал, что степень видимости определяет, насколько легко работник подвергается надзору [Foucault 1973; 1978]. Также действует самонадзор благодаря неопределённости, имеющейся у работников, относительно того, находятся ли они под наблюдением или нет, что вынуждает их постоянно следить за собственным поведением — «на всякий случай».

Критические замечания

Давняя критика основных концепций организации заключается в том, что, несмотря на очевидное существование формальных правил и процедур, было бы ошибкой принимать их за чистую монету в качестве определяющих. На практике организации функционируют благодаря рутинному избеганию правил или их несоблюдению. К примеру, промышленные предприятия могут иметь обширный свод правил, касающихся техники безопасности и гигиены труда, но рабочие будут игнорировать большинство из них, чтобы работа была выполнена в срок. Джон Мейер и Брайан Роуэн рассматривали формальные правила как миф, имеющий церемониальный или ритуальный характер, но крайне мало говорящий о реальной жизни организации [Meyer, Rowan 1977].

Сходным образом безличная вертикальная иерархия, о которой говорят, что она характеризует организацию, также может приводить к заблуждениям. Неформальные социальные сети развиты на всех уровнях организации, а в руководящем звене эти *личные* связи имеют едва ли не самое большое значение. Советы директоров и акционеры несут ответственность за постановку целей и определение политики компании, однако на практике только несколько человек принимают ключевые решения, а остальным членам правления компании остаётся лишь одобрять их. Руководители различных компаний могут быть лично знакомы, являться членами одних и тех же клубов, встречаться в одних и тех же местах. Подобные личные контакты ведут к неформальным обсуждениям и консультациям и циркуляции информации по сетям, связывающим высокопоставленных индивидов, которых порой характеризуют как бизнес-элиту. Такая ситуация была предсказана Робертом Михельсом, утверждавшим в 1911 г., что власть и контроль над большими организациями с неизбежностью концентрируются в руках небольшой элиты [Michels 1967]. Он называл это железным законом олигархии (олигархия — правление немногих) и считал препятствием для подлинной демократии как внутри организаций, так и в обществе в целом.

Феминистские исследования с 1970-х гг. сосредоточили своё внимание на дисбалансе гендерных ролей в организации. Такие работы описывали организации в терминах профессиональной сегрегации по признаку пола: женщинам отведена низкооплачиваемая рутинная деятельность, они используются как источник дешёвой и надёжной рабочей силы и не имеют тех же возможностей, что и мужчины, для карьерного продвижения. Женщины удовлетворяют потребности бюрократии мужчин, позволяя им много работать, путешествовать и сосредотачиваться только на своём деле. Таким образом, современные организации — это среда, в которой господствуют мужчины, а женщины лишены власти [Kanter 1977; Ferguson 1984].

Сохраняющаяся актуальность

Существовал ряд ключевых различий между конвенциональными моделями организации и компаниями, появившимися в Японии в ходе послевоенной индустриализации страны. В японских компаниях иерархия менее очевидна: со служащими на всех уровнях консультируются о политике компании, наёмные работники менее специализированы, чем в западных компаниях, корпорации привержены принципу пожизненного найма. Однако экономические проблемы стали причиной изменений в японской модели, которая воспринимается как негибкая и слишком затратная. Многие японские аналитики пытались найти более конкурентную и индивидуалистичную модель организации бизнеса, близкую к западной [Freedman 2001]. Рост сетей и сетевых моделей организации стал предметом широких дискуссий в последние годы, однако масштаб этого изменения далеко не ясен [Castells 2009]. Хотя внутри традиционных организаций всегда существовали неформальные отношения, представляется маловероятным, что в современном мире успешная координация возможна без формальной организации.

В настоящее время в организациях работает большое число женщин, и можно было бы ожидать, что это изменение обнаружится прежде всего в политических организациях, считающихся прогрессивными, то есть в рабочих партиях и профсоюзах, приверженных принципу равенства. Сесиль Гийом и Софи Почик использовали биографические методы, чтобы проверить это допущение на примере профсоюзов Великобритании и Франции [Guillaume, Pochic 2011]. По данным проведенного исследования, среди новых членов и активистов профсоюзов довольно много женщин: в Великобритании это происходит благодаря активной и целенаправленной деятельности самих профсоюзов. Однако даже в самых феминизированных профсоюзах женщины всё ещё недостаточно представлены на руководящих позициях. По-видимому, несмотря на изменения, направленные на привлечение женщин на руководящие должности, маскулинная организационная культура, неформальные мужские сети и проблемы достижения баланса между работой и семейной жизнью продолжают препятствовать формированию реального гендерного равенства.

Литература

- Burns T., Stalker G. M. 1966. *The Management of Innovation*. London: Tavistok.
- Castells M. 2009. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell.
- Etzioni A. 1964. *Modern Organizations*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Ferguson K. E. 1984. *The Feminist Case against Bureaucracy*. Philadelphia: Temple University Press.
- Foucault M. 1973. *The Birth of the Clinic: An Archeology of Medical Perception*. London: Tavistock; см. также рус. пер.: Фуко М. 1998. *Рождение клиники*. М.: Смысл.
- Foucault M. 1978. *The History of Sexuality*. London: Penguin; см. также рус. пер.: Фуко М. 1996. *Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1*. В кн.: Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Касталь; 97–268.
- Godwyn M., Gittel J. N. (eds). 2012. *Sociology of Organizations: Structures and Relationships*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Guillame C., Pochic S. 2011. The Gendered Nature of Union Careers: The Touchstone of Equality Policies? Comparing France and the UK. *European Societies*. 13 (4): 607–631.
- Kanter R. M. 1977. *Men and Women of the Corporation*. New York: Basic Books.
- Meyer J. W., Rowan B. 1977. Institutional Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. 83 (2): 340–363; см. также рус. пер.: Мейер Дж., Роуэн Б. 2014. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемония. Пер. с англ. И. С. Чириков; науч. ред. В. В. Радаев, Г. Б. Юдин. В кн.: *Классика новой экономической социологии*. М.: Изд. дом ВШЭ; 133–163.
- Michels R. 1967 (1911). *Political Parties*. New York: Free Press.
- Silverman D. 1994. On Throwing Away Ladders: Re-writing the Theory of Organizations. In: Hassard J., Parker M. (eds). *Towards a New Theory of Organizations*. London: Routledge; 1–23.

Sine W. D., Mitsuhashi H., Kirsch D. A. 2006. Revisiting Burns and Stalker: Formal Structure and New Venture Performance in Emerging Economic Sectors. *Academy of Management Journal*. 49 (1): 121–132.

Watson T. J. 2008. *Sociology, Work and Industry*. 5th ed. London: Routledge.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (DIVISION OF LABOUR)

Рабочее определение

Разделение рабочих задач и занятий в процессе производства, создающее расширенную экономическую взаимозависимость.

Происхождение понятия

Одним из первых систематических исследований разделения труда стала книга Адама Смита «О богатстве народов» (1776), в которой английский экономист описывает разделение труда на булавочной фабрике [Smith 1991]. Смит утверждал, что один человек может сделать 20 булавок в день, но путём разделения задачи на несколько простых действий коллективная производительность труда может составить до 48 тыс. булавок в день. И это классический пример преимущества спланированного и систематизированного разделения труда. Эмиль Дюркгейм выдвинул теорию о том, что промышленное разделение труда в самом широком смысле приводит к фундаментальным изменениям в типе социальной солидарности, связывающей общество воедино [Durkheim 1984]. Он полагал, что традиционные формы солидарности, основанные на сходствах, уступают место новой форме солидарности, укоренённой в различиях и кооперации. Для Дюркгейма разделение труда было не только экономическим явлением, но и трансформацией общества в целом.

Значение и интерпретация

Современные общества базируются на разделении труда, определяемом огромным числом профессиональных категорий и растущей специализацией, что стало привычной чертой нашей жизни, и мы уже едва ли замечаем её всемирно-историческое значение. В традиционных обществах многие люди, не занимавшиеся напрямую земледелием, были ремесленниками, проходившими длительный период ученичества. Это было необходимо, так как ремесленники были вовлечены во все аспекты производственного процесса, а не выполняли какую-то одну задачу. Индустриализация постепенно уничтожила большинство традиционных ремёсел; производство при помощи машин и расширения разделения труда тех же самых товаров стало быстрее, эффективнее и дешевле. Промышленные рабочие в типичном случае обучались только одной части производственного процесса, что позволяло им очень быстро приобретать профессиональные навыки без продолжительного периода подготовки. Этот принцип распространяется и на большинство других форм работы. Одним из важных следствий этого распространения стала специализация, то есть тысячи профессий, ролей и именованных должностей, что радикально отличается от примерно 30 главных ремёсел и ролей в традиционных обществах.

Эмиль Дюркгейм рассматривал расширение разделения труда как очень важный процесс, который, несмотря на порождённые им серьёзные проблемы (например, потенциальный конфликт между собственниками и рабочими), имел множество долгосрочных преимуществ. В традиционном обществе коллектив доминировал над индивидом, а индивидуализм был сведён к минимуму. Тип солидарности, удерживающий общество от распада, был механическим, основанным на сходствах, стабильности и относительно неизменных институтах, разделяемых стилях жизни и уважении к авторитетам. Иными словами, солидарность не была сознательным актом, а возникала механически — как следствие постоянных форм жизни.

С развитием капитализма, индустриализации и урбанизации традиционный жизненный уклад, а вместе с ним и механическая солидарность оказались разрушены. Многие современники были всерьёз обеспокоены тем, что разрушение социальной солидарности и развитие индивидуализма приведут к многочисленным конфликтам, а также к социальному и моральному упадку. Однако Дюркгейм не разделял этих опасений. Он утверждал, что в качестве результата распространения разделения труда возникает новая форма солидарности — органическая. Специализация ролей укрепит социальную солидарность внутри больших обществ, и люди будут связаны взаимной зависимостью гораздо прочнее, чем внутри сравнительно изолированного, самодовлеющего сообщества. Мы все зависимы от огромного числа людей и производимых ими товаров и услуг, поддерживающих наши жизни. Сегодня эта зависимость приобретает глобальный характер. С некоторыми исключениями можно утверждать, что большинство людей в современном обществе не производят продукты питания, которые они едят, не строят дома, в которых живут, и не обеспечивают себя всеми теми материальными благами, которые потребляют. На деле, органическая солидарность порождает более прочную взаимозависимость и к тому же лучше уравнивает индивидуальные различия и коллективные цели.

Критические замечания

Разделение труда привело к глобальной экономической взаимозависимости государств, так что в этом смысле Дюркгейм был прав, утверждая, что оно сделает более тесными контакты и кооперацию между людьми по всему миру. Однако многие критики подчёркивают, что это достигается ценой декалфикации работников и деградации труда. Принципы научного управления, связанные с появлением массового промышленного производства, создали то, что индустриальные социологи называют системами с низким уровнем доверия, то есть с методами производства, при которых менеджмент контролирует весь рабочий процесс, в то время как работники имеют лишь незначительную автономию на рабочем месте (если имеют её вообще). В системах с низким уровнем доверия работники, как правило, переживают неудовлетворённость работой, и это означает, что они не идентифицируют себя с компанией. Следствием оказываются отчуждённость и высокая степень абсентизма. Большую часть XX века работники должны были мириться с подобными системами. Многие вынуждены делать это и сейчас — правда, в основном в развивающихся странах, где нормой остаются эксплуататорские потогонные производства. Глобальное разделение труда может иметь множество преимуществ для западного потребителя, но оно также источник множества страданий и эксплуатации.

Сохраняющаяся актуальность

С 1970–1980-х гг. наблюдался процесс демонтажа старой модели массового производства стандартизированной продукции на крупных предприятиях и переход к производству, адаптированному к целевым нишевым рынкам. Этот сдвиг был теоретически осмыслен как отказ от фордизма в пользу гибких форм постфордистского производства. Гибкость была внедрена в способы разработки продукции, в технологии, стили управления, условия труда, в механизмы привлечения работников и в маркетинг. Производственные группы, командный способ решения проблем, многозадачность и нишевой маркетинг — это только некоторые стратегии, принятые компаниями, стремящимися к собственной реструктуризации для получения конкурентных преимуществ в рамках глобальной экономики. Недавний спад глобальной экономики, связанный с финансовым кризисом 2008 г., оказал большое влияние на процесс принятия решений корпорациями и правительствами, а также на глобальное разделение труда.

С конца XX века наблюдался значительный рост занятости в сфере услуг в развитых странах. Следующим шагом может стать офшоринг (*offshoring*), то есть систематическое выведение за рубеж все большего количества рабочих задач [Blinder 2006]. Алан Блайндер в своём исследовании подчёркивает, что офшоринг будет иметь революционные последствия для развитых экономик, основанных на производ-

стве услуг. Множество офисных и сервисных задач с лёгкостью может быть перемещено в офшоры, и, поскольку связанные с выполнением этих задач рабочие места, как правило, были стабильными и хорошо оплачиваемыми, их потеря будет наиболее остро переживаться средним классом и профессиональными группами. К примеру, университетские курсы могут читаться по Интернету из любой точки мира. То же самое касается банковских и коммерческих услуг. Вопрос состоит в том, какие профессии останутся в постиндустриальной экономике. Блайндер предполагает, что это будут специальности, требующие непосредственного контакта, такие как уход за больными или транспортировка. Будет ли распространение офшоринга настолько радикальным, пока неясно.

Используя пример Лондона, Джейн Уиллс и её коллеги показывают, как современные города становятся зависимыми от труда мигрантов, приезжающих в Британию со всего мира, чтобы занять такие само собой разумеющиеся места, как работа в барах, уборка, уход за больными и работа в сфере общественного питания [Wills et al. 2010]. Несмотря на то что крупные города всегда привлекали мигрантов, находящихся в поисках работы, исследование Уиллс и её коллег показывает, что за последние 20 лет произошли определённые изменения. Неолиберальная модель экономики свободного рынка способствовала нормализации системы субподрядов, уменьшению размера заработной платы и ухудшению условий труда, что сделало Лондон почти полностью зависимым от иностранной рабочей силы, которая поддерживает жизнеспособность города. Это поднимает политические вопросы борьбы с бедностью и укрепления социальных связей. Книга Уиллс и её соавторов предлагает возможные решения этих ключевых проблем.

Литература

Blinder S. 2006. Offshoring: The Next Industrial Revolution? *Foreign Affairs*. March/April: 113–128.

Durkheim E. 1984 (1893). *The Division of Labour in Society*. London: Macmillan; см. также рус. пер.: Дюркгейм Э. 1991. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.

Morrison K. 2006. *Marx, Durkheim, Weber: Formations of Modern Social Thought*. 2nd ed. London: Sage; Ch. 3.

Smith A. 1991 (1776). *The Wealth of Nations*. London: Everyman's Library; см. также рус. пер.: Смит А. 2007. *Исследование о природе и причине богатства народов*. М.: ЭКСМО.

Wills J. et al. 2010. *Global Cities at Work: New Migrant Divisions of Labour*. London: Pluto Press.

РЕЛИГИЯ (RELIGION)

Рабочее определение

По Эмилю Дюркгейму, «религия — это единая система верований и действий, относящихся к священным, то есть к отделённым, запрещённым, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен»³.

Происхождение понятия

В той или иной форме религия обнаруживается во всех человеческих обществах. В древнейших зарегистрированных обществах заметны очевидные следы религиозных церемоний и символов. На-

³ Цит. по: Дюркгейм Э. 1998. Элементарные формы религии. В сб.: *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения. Антология*. М.: Канон+; 230–231. — *Примеч. ред.*

скальные рисунки показывают, что религиозные верования и практики существовали более 40 тыс. лет назад, и с того времени религия продолжает быть важнейшей частью человеческого опыта. Самые ранние религии Европы включали верования и практики, которые, скорее, были встроены в саму повседневную жизнь людей, чем являлись отдельными социальными институтами. Это до сих пор верно для некоторых регионов мира. Однако в современных индустриальных обществах религия существует в организационных формах, отделённых от других сфер жизни, таких как экономика или политика. Ключевые дискуссии в социологии XX века были сосредоточены вокруг теории секуляризации: с одной стороны, говорилось, что религия медленно утрачивает свою власть, с другой — речь шла об усилении религиозных верований, несмотря на возможное уменьшение формального членства людей в религиозных организациях.

Значение и интерпретация

Маркс понимал религию как прибежище, дающее массам в классовом обществе возможность укрыться от жестокой реальности жизни. Христианство, например, обещало своим адептам жизнь после смерти, но при этом учило, что их материальная жизнь здесь и сейчас может с необходимостью быть трудной, мучительной и полной страданий. Для Маркса это показывает, что религии не свободны от идеологических элементов, которые обнаруживаются в политических теориях. Конечно, обещание счастливой загробной жизни поддерживает продолжающуюся эксплуатацию массы рабочих и существующие отношения неравенства. Макс Вебер в обширном исследовании мировых религий пришёл к иным выводам: религия может быть консервативной силой, но это никоим образом не является неизбежным. К примеру, религия на протяжении долгого времени препятствовала социальным изменениям в Индии, где индуизм подчёркивал необходимость избегать пут материального мира, контролировать и формировать его. На Западе же христианство с его постоянной борьбой с грехом и грешниками породило напряжение и эмоциональную динамику, бросившие вызов существующему порядку. Аналогичным образом католическая церковь сыграла огромную роль в легитимации движения «Солидарность» в Польше, которое свергло коммунистический режим в 1980-х гг. Религия может способствовать социальным изменениям.

Эмиль Дюркгейм в качестве главной отличительной черты религии называл её долговечность. Он утверждал, что все религии поделили мир на сферу сакрального и сферу профанного. С сакральными объектами и символами обращаются совершенно иначе, чем с другими — профанными, рутинными — аспектами существования. Причина, по которой религии имеют устойчивый характер на протяжении столь длительных периодов времени, заключается в том, что они являются главным средством создания и усиления социальных связей. Церемония и ритуал необходимы для объединения людей, именно поэтому ритуалы и церемонии обнаруживаются в жизненных кризисах и пороговых событиях — рождение, вступление в брак, смерть. Коллективные церемониалы переутверждают групповую солидарность во времена серьёзных изменений. Церемонии порождают коллективный подъём, то есть обострённые чувства и энергию, которые генерируются на общих собраниях и позволяют людям вырваться из мира повседневных забот, перенестись на время в мир более возвышенный. Дюркгейм отмечает, что религиозный *опыт* человека не может быть отвергнут как всего лишь самообман или идеология. Фактически это *реальный* опыт подлинных социальных сил.

Социология религии занимается способами функционирования религиозных институтов и организаций, особенно их ролью в создании и поддержании социальной солидарности. Существование множества конкурирующих религий и различий между ними может перерасти в дестабилизирующие конфликты. Тому есть множество примеров: конфликты между католиками и протестантами в Северной Ирландии, между сикхами, индуистами и мусульманами в Индии, столкновения между мусульманами и христианами в Боснии и бывшей Югославии, преступления на почве нетерпимости по отношению к евреям, мусульманам и представителям религиозных меньшинств в США.

Критические замечания

Секуляризация описывает процессы, в ходе которых религия утрачивает своё влияние на остальные сферы жизни общества. Если бы мы жили в полностью секулярном обществе, понятие «религия» было бы лишним. Применительно к Западной Европе в качестве модели была описана вера без принадлежности (*believing without belonging*), так как многие люди до сих пор верят в Бога или богов, однако число посещающих церковь неуклонно снижается [Davie 1994]. В США же и уровень религиозности, и число посещающих церковь остаются на высоком уровне. Проблема достижения общего заключения связана с разногласиями по поводу того, как нужно измерять степень секуляризации.

Многие люди являются верующими, однако не ходят на службы в церковь, и наоборот — не меньшее число людей постоянно посещают церковь по привычке или для встречи с друзьями, не имея при этой сильной личной веры. Даже исторический подход в данном случае не позволяет прийти к окончательному решению. Можно было бы предположить, что до индустриализации люди посещали церкви чаще, священники обладали более высоким социальным статусом, а религиозные убеждения были сильнее. Однако все эти предположения поставлены под сомнение историческими исследованиями. В средневековой Европе большинство людей в лучшем случае относились равнодушно к религиозным верованиям и посещали церковные службы, скорее, из чувства долга. В то же время большинство наших современников не верят, что их повседневная жизнь населена божественными и духовными сущностями.

Критики тезиса Дюркгейма утверждают, что нельзя понять сущностные черты всех религий, основываясь на обобщениях, полученных на основе изучения небольших обществ. На протяжении XX века многие общества приобрели мультикультурный характер: внутри одного национального общества могут сосуществовать различные религии. Тезис Дюркгейма о религии как источнике общественной солидарности менее убедителен применительно к мультирелигиозным обществам и не позволяет объяснить внутриобщественные конфликты вокруг различных религиозных верований. Сомнение также вызывает мысль о том, что религия, в сущности, является культом общества, а не божеств или духов. Дюркгеймовский тезис может быть рассмотрен как редукционистский аргумент, согласно которому религиозный опыт сводим к социальному феномену. Этим аргументом отрицается сама возможность духовного уровня реальности.

Сохраняющаяся актуальность

Традиционные религии теряют своё влияние, а религиозность, как представляется, разворачивается в новых направлениях и в рамках новых религиозных движений. Более того, мало что свидетельствует о секуляризации в большинстве развивающихся странах. На Ближнем Востоке, в Азии, Африке и Индии существует движение исламского фундаментализма, полное жизненных сил и динамичное. Аналогично миллионы католиков в развивающихся странах встречают визиты Папы Римского, а православное христианство после десятилетий коммунистических репрессий с энтузиазмом поддерживают во многих регионах бывшего СССР. Даже в США религия сохраняет свои позиции и принимает новые формы, к примеру, популярное евангелическое движение и телевангелизм.

Мишель Маффесоли утверждал, что мы живём «во времена племён», как показывает быстрый рост малых групп людей, объединённых на основе разделяемых музыкальных вкусов, идей, потребительских предпочтений и способов развлечения [Maffesoli 1995]. Приверженность людей этим самым новым племенам может быть слабой и непродолжительной, но она показывает серьёзную потребность человека в социальности, которая по-прежнему является, в терминах Дюркгейма, религиозной потребностью. Поскольку традиционные религии борются за удержание своих адептов, многие социологи

утверждают, что секулярные идеи способны брать на себя религиозную роль. В качестве примера можно назвать секулярную сосредоточенность на правах человека, которая связывает частное с универсальным и ожидает демократию в будущем. Дискурс прав человека сходен с христианской традицией и может быть представлен как секулярная религия [Reader 2003]. Однако, если это так, он всё же в гораздо большей степени сконцентрирован на индивидуе, чем на сообществе.

Интересным описанием новых религиозных движений является исследование общества «Сока Гаккай» в Италии, проведённое Карло Бароне [Barone 2007]. Движение «Сока Гаккай» возникло больше 75 лет назад, быстро стало популярным, особенно в Италии. Автор исследования пытается объяснить столь широкую популярность. «Сока Гаккай» имеет более восьми миллионов сторонников в Японии и тесно связано с политической партией Комэйто, которая с 1990-х гг. играет важную роль в японской правительственной коалиции. Однако многие, если не все, не японские члены «Сока Гаккай» едва ли осведомлены об этой политической связи, воспринимая свою религию как частное, индивидуальное дело. Главная причина успеха «Сока Гаккай» состоит в организационных методах этого движения. Новые члены присоединяются к малым группам (частям сети) и побуждаются к тому, чтобы делиться опытом, порождающим сильное чувство солидарности, в то время как групповое внимание сосредоточивается на сакральных объектах в эмоционально заряженной среде. Словом, группы создают — дюркгеймовский — коллективный подъём, интегрирующий членов относительно быстро и прочно.

Литература

- Aldridge A. 2013. *Religious in the Contemporary World: A Sociological Introduction*. 3rd ed. Cambridge: Polity.
- Barone C. 2007. A Neo-Durkheimian Analysis of a New Religious Movement: The Case of Soka Gakkai in Italy. *Theory and Society*. 36 (2): 117–140.
- Davie G. 1994. *Religion in Britain Since 1945: Believing without Belonging*. Oxford: Blackwell.
- Fenn R. K. 2009. *Key Thinkers in the Sociology of Religion*. New York: Continuum.
- Jones R. P., Cox D., Navarro-Rivera J. 2012. *The 2012 American Values Survey*. Washington, DC: Public Religion Research Institute.
- Maffesoli M. 1995. *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: Sage.
- Reader R. 2003. The Discourse of Human Rights — A Secular Religion? *Implicit Religion*. 6 (1): 41–51.

NEW TRANSLATIONS

Anthony Giddens, Philip W. Sutton

Essential Concepts in Sociology (excerpts)

Giddens, Anthony — Emeriti,
Department of Sociology, London School
of Economics and Political Science.
Address: Houghton Street, London,
WC2A 2AE, UK.

Email: ax.giddens@lse.ac.uk

Sutton, Philip W. — Independent
Researcher.

Source: Giddens A., Sutton P. W.
(2018) *Osnovnye ponyatiya v sot-*
siologii [Essential Concepts in So-
ciology] (transl. from English by E.
Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko;
ed. by S. Gavrilenko), Moscow: HSE
Publishing House (in Russian).

This makes searching for a concept easier and more comfortable.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the book's fourth theme, "Structures of Society," in which the author reviews bureaucracy, capitalism, consumerism, organization, labor division, education, and religion.

Keywords: sociology; essential concepts; social structures; beaurocracy; capitalism; education; religion.

References

Albridge A. (2003) *Consumption*, Cambridge: Polity.

Aldridge A. (2013) *Religious in the Contemporary World: A Sociological Introduction*. 3rd ed., Cambridge: Polity.

Barlett S., Burton D. M. (2007) *Introduction to Education Studies*, London: Sage.

Barone C. A. (2007) Neo-Durkheimian Analysis of a New Religious Movement: The Case of Soka Gakkai in Italy. *Theory and Society*, vol. 36, no 2, pp. 117–140.

Bauman Z. (1989) *Modernity and the Holocaust*, Cambridge: Polity.

Blau P. M. (1963) *The Dynamics of Bureaucracy*, Chicago: University of Chicago Press.

Bowles S., Gintis H. (1976) *Schooling in Capitalist America: Educational Reform and Contradictions of Economic Life*, New York: Basic Books.

Abstract

Social life has been changing, that is why sociology cannot stay put. Today, this research field is unbelievably multifaceted from the theoretical point of view; it covers a lot of topics and uses wide methodological tools. Key concepts and ideas play an important role in how sociologists explore societies. However, essential concepts have constantly evolved and changed. This book introduces essential concepts, presenting the basics of sociology as a field. The authors consider each concept in detail, providing not only short vocabulary definitions, but also including historical and theoretical contexts of its emergence and usage, demonstrating meanings and interpretations, and addressing critics and evolution in modern research and theories. This book's structure allows readers to bridge a history of sociology and its current conditions, tracing the evolution of its concepts. The authors thoroughly selected 70 concepts. The book chapters are divided into 10 main topics. Within each topic, concepts are listed in alphabetical order.

- Burns T., Stalker G. M. (1966) *The Management of Innovation*, London: Tavistok.
- Campbell C. (2005) *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*, Oxford: Blackwell.
- Campbell J. L., Pedersen O. K. (2007) Institutional Competitiveness in the Global Economy: Denmark, the United States and the Varieties of Capitalism. *Regulation and Governance*, vol. 1, no 3, pp. 230–246.
- Casey C. (2004) Bureaucracy Re-Enchanted? Spirit, Experts and Authority in Organizations. *Organization*, vol. 11, no 1, pp. 59–79.
- Castells M. (2009) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed., Oxford: Wiley Blackwell.
- Davie G. (1994) *Religion in Britain Since 1945: Believing without Belonging*, Oxford: Blackwell.
- DeHart-Davis L. (2009) Can Bureaucracy Benefit Organizational Women? *Administration and Society*, vol. 41, no 3, pp. 340–363.
- Etzioni A. (1964) *Modern Organizations*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Fenn R. K. (2009) *Key Thinkers in the Sociology of Religion*, New York: Continuum.
- Ferguson K. E. (1984) *The Feminist Case against Bureaucracy*, Philadelphia: Temple University Press.
- Foucault M. (1973) *The Birth of the Clinic: An Archeology of Medical Perception*, London: Tavistock.
- Foucault M. (1978) *The History of Sexuality*, London: Penguin.
- Gatto J. T. (2002) *Dumbing us Down: The Hidden Curriculum of Compulsory Schooling*. 2nd ed., New York: New Society.
- Gay P. du. (2000) *In Praise of Bureaucracy: Weber, Organization, Ethics*, London: Sage.
- Gilg A., Barr S., Ford N. (2005) Green Consumption or Sustainable Lifestyles? Identifying the Sustainable Consumer. *Futures*, vol. 37, no 6, pp. 481–504.
- Godwyn M., Gittel J. N. (eds). (2012) *Sociology of Organizations: Structures and Relationships*, Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Guilliam C., Pochic S. 2011. The Gendered Nature of Union Careers: The Touchstone of Equality Policies? *Comparing France and the UK. European Societies*, vol. 13, no 4, pp. 607–631.
- Illich I. (1971) *Deschooling Society*, Harmondworth: Penguin.
- Ingham G. (2008) *Capitalism*, Cambridge: Polity.
- Jones I. R., Hyde M., Higgs P., Victor C. R. (2008) *Ageing in a Consumer Society: From Passive to Active Consumption in Britain*, Bristol: Policy Press.
- Jones R. P., Cox D., Navarro-Rivera J. (2012) *The 2012 American Values Survey*, Washington, DC: Public Religion Research Institute.

- Kanter R. M. (1977) *Men and Women of the Corporation*, New York: Basic Books.
- Maffesoli M. (1995) *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*, London: Sage.
- Markandya A. (2009) Can Climate Change be Reversed under Capitalism? *Development and Change*, vol. 40, no 6, pp. 1139–1152.
- Marx K., Engels F. (2005 [1848]) *The Communist Manifesto*, London: Longman.
- Meyer J. W., Rowan B. (1977) Institutional Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, vol. 83, no 2, pp. 340–363.
- Michels R. 1967 (1911) *Political Parties*, New York: Free Press.
- Reader R. (2003) The Discourse of Human Rights — A Secular Religion? *Implicit Religion*, vol. 6, no 1, pp. 41–51.
- Silverman D. (1994) On Throwing Away Ladders: Re-writing the Theory of Organizations. *Towards a New Theory of Organizations* (eds. J. Hassard, M. Parker), London: Routledge; 1–23.
- Sine W. D., Mitsuhashi H., Kirsch D. A. (2006) Revisiting Burns and Stalker: Formal Structure and New Venture Performance in Emerging Economic Sectors. *Academy of Management Journal*, vol. 49, no 1, pp. 121–132.
- Skelton C., Francis B., Read B. (2010) Brains before Beauty? High Achieving Girls, School and Gender Identities. *Educational Studies*, vol. 36, no 2, pp. 185–194.
- Watson T. J. (2008) *Sociology, Work and Industry*. 5th ed., London: Routledge.
- Willis P. (1977) *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working-Class Jobs*, London: Saxon House.
- Zamudio M. M., Russell C., Rios F. A., Bridgeman J. L. (eds) (2011) *Critical Race Theory Matters: Education and Ideology*, New York: Routledge.

Received: October 4, 2018

Citation: Giddens A., Sutton P. W. (2018) *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Essential Concepts in Sociology (excerpts)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 41–65. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-41-65 (in Russian).